

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Будагов Р.А.* Что такое развитие и совершенствование языка? М.: Изд-во «Наука», 1977. С. 35-44.
2. *Иванова К.А.* Англо-русский и русско-английский словарь по рекламе и PR. СПб.: Питер, 2004. 320 с.
3. *Костомаров В.Г.* Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М.: Педагогика-пресс, 1994. С. 105-110.
4. *Кошечкина И.Г., Дубовский Ю.А.* Сравнительная типология английского и русского языков. Минск: Изд-во «Высшая школа», 1980. С. 8-9.

М.В. Есян

ПЕРЕВОД БИБЛЕИЗМОВ
В БУКВАЛЬНОМ И ОБРАЗНОМ ЗНАЧЕНИЯХ

На сегодняшний день *библеизмы* с их образной системой, яркой выразительностью и глубоким нравственным содержанием отнюдь не являются застывшей массой устаревших слов. Интерес к библейским выражениям в последнее время не только не угас, но даже усилился. Обнаруживается даже тенденция к злоупотреблению меткими евангельскими фразами, к превращению их в штампы. Зачастую люди употребляют библейские выражения без точных знаний об их значении. Перед лексикографами и переводчиками встает ряд задач теоретического и практического характера.

До настоящего времени в лингвистике нет четкого определения *библеизма*. В словаре О.С. Ахмановой «Очерки по общей и русской лексикологии» предложено такое толкование: «Библейское слово или выражение, вошедшее в общий язык». Н.П. Матвеева в словаре «Библеизмы русской словесности» понимает данный термин очень объемно, так как он включает в себя огромное количество языковых фактов, обозначающих понятия, прямо или косвенно связанные не только с Библией, но и в целом с христианством.

Отдельные фразеологические единицы требуют уточнения их этимологии, особенно при переводе, чтобы решить вопрос об их статусе как *библеизмов*. Задача эта может быть выполнена путем совместных усилий лингвистов, культурологов, антропологов, переводчиков и педагогов. Неожиданность обычаев и верований, которой характеризуются различные культуры, создает принципиальные трудности в деле перевода. В этом причина многих проблем перевода библеизмов, ибо и мировоззрение и образ жизни библейского мира во многих отношениях отличны от мировоззрения и образа жизни современных нам культур.

Сам Иисус нередко применяет образное значение в своих поучениях, например, когда он говорит об *оцеживании комара и поглощении верблюда* (Мф. 23: 24), *о бревне в собственном глазу и о сучке в глазу другого человека* (Лк. 6: 41), *о верблюде, проходящем сквозь игольное ушко* (Мф. 19: 24). Использование образного и богатого символами языка в целях соблюдения тайны при обращении к замкнутому кругу посвященных, что обычно для апокалиптических писаний, часто приводят к намеренной темноте языка. Когда автор, например, говорит *о Вавилоне*, имея в виду на самом деле *Рим* (Откр. 14: 8), он обращается к ограниченному кругу лиц, делая содержание рассказа недоступным для посторонних.

Степень одновременного понимания буквального и переносного значения

зависит от свежести, новизны образного выражения. Есть такие фразеологизмы, для которых полностью утрачена первоначальная основа образного употребления. Например, библейский фразеологизм «собирать горящие угли на чью-либо голову» (Притч. 25: 22, Рим. 12: 20) совершенно очевидно следует понимать не в буквальном смысле, а в переносном, вероятно, его смысл заключается в том, что следует делать добро кому-либо, чтобы заставить его устыдиться, но основа этого образного значения нам уже неизвестна [1].

Рассматривая **образное значение**, следует принимать во внимание и **прямое (буквальное)** значение выражения, потому что в образном значении всегда имеется психологический фактор одновременного сознания и прямого и переносного смыслов, и прямого и переносного значения. Образное выражение может состоять из одного слова, как, например: *лисица* в применении к царю Ироду (Лк. 13: 32) или же представлять собой целое предложение, такое как «*оцеживание комара, а верблюда поглощение*» (Мф. 23: 34), относящиеся к тем, кто чрезмерно заботится о ничтожных вещах, упуская из виду серьезные [1].

Некоторые исследователи утверждали, что применение слова «*лисица*» к царю Ироду (Лк. 13: 32) намекает на его известную прожорливость. Но для правильного понимания этого слова в библейском контексте следует выяснить, каким было наиболее вероятное употребление слова *лисица* в переносном значении в библейскую эпоху. В Талмуде, например, лиса считается «*хитрее всех зверей*». В греческом языке слово «*лисица*» употребляется в переносном смысле. Поскольку это же переносное значение известно и культурам многих европейских народов, не исключено, что это заимствованная метафора.

Практически любой текст включает те или иные фигуры речи или другие средства придания выразительности высказыванию, составляющие особую функцию языковых единиц – стилистическую.

Наиболее характерной стилистической единицей является **метафора**. Метафоры основаны на определенном типе отношения сходства. Традиционное соответствие употребляется при переводе метафорических выражений, заимствованных исходным и переводящим языком из общего источника, но получивших разные способы выражения: *авилонское столпотворение* – *the Confusion of Babylon* (дословно: *авилонское смешение, недоразумение*).

Следует упомянуть здесь и **притчу** – своего рода «расширенную» метафору. **Притча** – сравнение, иллюстрация духовного на примере повседневного.

Метонимии отражают разного рода ассоциативные отношения. В отличие от метафоры, направленной на сопоставление, уподобление объектов друг другу с целью выявления сущностного сходства, употребление метонимии в любом языке направлено на индивидуализацию объекта путём выделения какой-либо характерной черты и вынесения её на первый план в способе именовании. О Боге можно говорить как об Отце, потому что полагается, что ему присущи власть и забота о потомстве. Писание говорит о людях как об овцах, потому что наблюдается сходство в поведении людей и овец. Но основание для метафорического сравнения не всегда открыто выражено в библейском тексте [4].

Когда Христос говорит о себе как о двери (Ин. 10:7, 9), эта метафора имеет в своей основе отношение подобия между входом куда-либо и тем, что Христос дает людям средство войти в новую жизнь. Очень важно при переводе метафорического употребления слова «*дверь*» подчеркнуть ее использование в качестве входа, а не в качестве препятствия для входа. Можно, например, дать такой перевод: «*Я дверь для овец*» или «*Я врата для овец*».

Библейская цитата *holier than thou* (Кн. Пророка Исаии. 65: 5) вышла из употребления. В современной английской речи употребляется как

прилагательное в значении *высокомерный, ханжеский, лицемерный*. В своих интересных статьях о библеизмах Т.Т. Клюкина отмечает, что вместо *holier* могут употребляться другие прилагательные, причём коннотация выражения сохраняется [2].

Другая библейская цитата *the writing on the wall* – о *письменах на стене* во время Валтасарова пира (Кн. Пророка Даниила) в современном языке *зловещее предзнаменование, предостережение о гибели, «судьба предрешена»*.

В русско-английской части словаря нет статьи, посвященной употреблению в современной публицистике библейской, церковно-славянской и конфессиональной лексики. И тому есть причины, изменение отношения власти к церкви в 1980-1990-х гг. привело к более частому употреблению конфессиональной лексики, например, в описании храмов, обрядов, в официальной хронике, связанной с иерархами церкви, особенно Русской Православной, и т.д. Перевод этих культурных реалий, как правило, не точный и зачастую поверхностный, а в некоторых случаях искаженный.

Что же касается употребления библеизмов и фразеологизмов церковно-славянского происхождения (*ничтоже сумняшеся, притча во языцех, на круги своя, злоба дня, и иже с ними* и т.п., примеры правильного и осознанного употребления церковно-славянской лексики в речевом пространстве современных СМИ найти чрезвычайно трудно.

Очевидной ошибкой при определении лексического значения является традиционный подход к библейской лексикографии – доверие к предлагаемой истории слова или его «этимологии». Другим недостатком традиционного подхода к лексическому значению является неумение обращаться с ассоциативным значением. Кроме того, как уже отмечалось, языки всегда находятся в процессе изменения и иногда два слова могут взаимно обмениваться значениями.

Некоторые библейские фигуры речи понимаются неправильно из-за того, что не учитывается местный культурный контекст, и из-за стремления приписать этим выражениям значения, хотя бы отчасти согласующиеся с собственными культурными представлениями. При рассмотрении библеизмов нужно учитывать не только общественное поведение, но и культуру данного социума и человеческий фактор на конкретном историческом этапе, т.е. учитывать **культурно-антропологические факторы**.

Проанализируем некоторые библеизмы, представляющие особую сложность в переводе и понимании. Например, когда мы читаем апостола Павла к Колоссянам 3: 12: «As God's chosen ones, holy and beloved, clothe yourselves with compassion, kindness, humility, meekness, and patience», мы понимаем, что он говорит во что должны одеваться избранные Божии, употребляя метафору об образе жизни святых. Но изучив традиции и обычаи библейских времен, мы также понимаем, что в те времена люди носили тунику – одежду на все случаи жизни (даже ложились спать в туниках) [3]. Так что, говоря «облекитесь в одежды», подразумеваются основы веры. Или, когда мы читаем о поясе и опоясывании. В Библии употребляется это слово 97 раз. Впервые об опоясывании упоминается в Библии в Бытии 3:7: «Открылись у них глаза, и узнали они, что наги, и сшили смоковые листья, и сделали себе опоясания» (Быт. 3: 7). Дальше в Новом Завете: «И будет препоясыванием чресл Его правда, и препоясанием бедер Его – истина» (Ис. 11: 5). В английском переводе «loincloths» – набедренная повязка, главный элемент одежды с древнейших времен. Говоря о «препоясывании чресла ума» (Пет. 1: 13), апостол Петр имеет в виду бодрствование и повиновение Истине. Отсюда и выражение «распоясался – вышел из повиновения».

Вышеизложенное даёт основание сделать следующие выводы:

- традиционный подход к «этимологии» библейской лексикографии устарел, ввиду того факта, что языки всегда находятся в процессе изменения;
- библейские выражения или *библейзмы* не имеют значения в отрыве от той культуры, которую они отражают и которой они принадлежат;
- переводчик должен быть не только лингвистом, но и антропологом, библеистом ввиду сложности языковых структур и бесконечного разнообразия культурных реалий, обычаев и верований.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Грановская Л.М. Библейские фразеологизмы. Опыт словаря // Русская речь. 1998. № 1. С. 73-79.
2. Клюкина Т. Тайное и явное / О библейзмах в русском языке // Наука и религия. 1990. № 2. С. 49-50.
3. Gower Ralf. The new manners and customs of Bible Times. Moody Press. Chicago. 1993.
4. Jan de Waard, Eugene A. Nida. From one language to another. (Functional Equivalence in Bible Translating). Thomas Nelson Publishers. Nashville. Camden. New York, 1986.

Н.А. Каширина

КРИТИЧЕСКОЕ И ТВОРЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК ОСНОВА ОБУЧЕНИЯ ПИСЬМЕННУМУ ПЕРЕВОДУ

В современном переводоведении не ставится под сомнение трехэтапная структура процесса перевода, включающая переводческий анализ текста оригинала (ПАТ), собственно перевод и редактирование [1:1 44; 3: 19; 5: 155; 6:154]. Представляется очевидным, что обучение письменному переводу может быть эффективным только в единстве трех его этапов.

Рассмотрение переводческой деятельности с точки зрения когнитивной психологии, а также изучение литературы [8, 9, 10, 11 и др.] по проблематике критического и творческого мышления (КМ и ТМ соответственно) позволило предположить, что в процессе перевода основной этап связан с ТМ, тогда как начальный и заключительный этапы основываются на психологических механизмах КМ¹.

Используя КМ в ходе переводческого анализа текста, переводчик приходит к вербализуемым выводам, касающимся стратегии перевода. Однако известно, что в процессе решения комплексных задач, частным случаем которых мы считаем перевод, дедуктивные рассуждения имеют ограниченную применимость; не меньшее значение имеют индукция и абдукция. Представляется, что творчество переводчика занимает промежуточное положение между научным (познающим) и художественным (создающим) творчеством. Последнее, в отличие от первого,

---

¹ «Творческое мышление – это мышление, результатом которого является открытие принципиально нового или усовершенствованного решения той или иной задачи. Критическое мышление представляет собой проверку предложенных решений... Творческое мышление направлено на создание новых идей, а критическое – выявляет их недостатки и дефекты. Для эффективного решения задач необходимы оба вида мышления, хотя используются они раздельно: творческое мышление является помехой для критического, и наоборот». [7: 445]. При этом КМ является левополушарным, сознательным, вербально-логическим, абстрактно-Схематическим, дедуктивным, аналитическим, сукцессивным, а ТМ – правополушарным, неосознанным, интуитивным, синтетическим [4: 217].